

Ань Мо возвращался домой через сосновую рощу, когда повалил первый зимний снег. Снежинки, попадая в свет уличных фонарей, рассыпались кристальной крошкой, и лицо Ань Мо в этом сиянии казалось озаренным холодным лунным светом.

В этот момент зазвонил телефон. На том конце слышался шум, и кто-то ласково, с придыханием произнес в самое ухо: «Янь-гэ». Это был новый омега, которого Альфа завел совсем недавно — покладистый, миловидный, с такими же, как у самого Ань Мо, красивыми миндалевидными глазами.

— Ань Мо, ты где? — Мужчина услышал свист ледяного ветра и нахмурился.

— На улице, — ответил омега.

— Поздно уже, почему не дома?

Ань Мо едва заметно усмехнулся. До чего же забавно: сам-то он дома почти не бывает, а теперь еще и упрекает его в непослушании. Но вслух он сказал:

— Было одно дело, сейчас возвращаюсь.

На заднем плане кто-то настойчиво звал Альфу, и в холодную трубку донесся приторно-сладкий голос:

— Янь-гэ, ну иди же скорее, кажется, я немного захмелел.

Ань Мо замолчал, а Альфа с раздражением бросил:

— Раз уж ты все равно не дома, приезжай ко мне.

Ань Мо тут же отказался:

— Не нужно.

Он вдруг вспомнил, как однажды, тоже поздно ночью, пьяный Альфа точно так же позвонил и приказал приехать. Тогда Ань Мо, не находя себе места от тревоги, примчался из университета. Когда он открыл дверь, Альфа сидел в полумраке на диване, курил, а на нем висел какой-то гибкий, податливый омега. Ань Мо забыл, что тогда чувствовал, или, вернее, не хотел вспоминать.

Альфа действительно был пьян. Он поднял взгляд, и в его узких глазах вспыхнул мутный, хищный блеск. Ань Мо с отчаянием понял, что сердце до сих пор вздрагивает от одного этого взгляда. Но он не показал ни единой эмоции, спокойно сел рядом и спросил:

— Ты поедешь домой или останешься здесь?

Тон его был таким безразличным, что даже душа, казалось, стала прозрачной. Мужчину это взбесило — он терпеть не мог, когда Ань Мо смотрел на него так или говорил таким голосом. Неизвестно почему, но после долгого обмена взглядами он вдруг оттолкнул прильнувшего к нему омегу, пнул журнальный столик, опрокинув бокал с вином, и тихо выругался. Осколки стекла брызнули в сторону, один из них полоснул Ань Мо по запястью, оставив длинный кровавый след. Он украдкой спрятал руку за спину.

Вскоре Альфа выставил всех из кабинета, обернулся и с нежной улыбкой произвел:

— Брат. Господин Ан. Я напился, иди помоги мне.

На самом деле Ань Мо даже не шелохнулся. Лицо Альфы мгновенно помрачнело. Он подошел сам и, грубо схватив его за раненое запястье, принялся сжимать так, что из пореза хлынула кровь. Ань Мо пытался вырваться, но физически омега был слабее — его быстро прижали к дивану, а запястья стянули ремнем, отчего рана закровоточила еще сильнее. Альфе нравилось видеть на нем кровь или оставлять свои метки.

В ту ночь его истязали до самого рассвета. Вернувшись домой, Ань Мо слег с высокой температурой и проспал очень долго. Альфа же снова исчез на несколько дней. Лишь когда ассистент заглянул за документами и увидел, в каком состоянии находится Ань Мо, он купил ему жаропонижающее.

Поэтому в этот раз он ни за что не позволит себя унижить.

Альфа, услышав отказ, холодно процедил:

— Тогда возвращайся скорее, я позже загляну к тебе.

Теперь, возвращаясь домой, он всегда говорил «загляну» или «проведаю», словно место, где они когда-то свили гнездо, было всего лишь придорожным отелем.

Ань Мо послушно ответил:

— Хорошо, я понял.

Мужчина тут же отключился. В трубке повисли одинокие гудки, от которых сердце Ань Мо окончательно остыло. Сегодня была их третья годовщина свадьбы. Он думал, что Альфа уединится с новым омегой, но, видимо, остатки совести еще теплились в нем — он не забыл хоть как-то откупиться. Но Ань Мо давно вырос, и одной конфеткой или букетом его уже не утешить.

Вскоре он вернулся в квартиру. В момент, когда дверь открылась, остатки уличного холода столкнулись с домашним теплом, создав вихрь, от которого Ань Мо почувствовал, что еще не промерз до костей. Он не пошел в спальню, а молча опустился на диван, накинул на плечи плед и сжался в маленький комочек.

В комнате царила тьма. Он включил телевизор, и по стенам заплясали отсветы далекого экрана. В тишине было слышно лишь его собственное дыхание. На стене слева висели настенные часы марки Compass — они висели на такой высоте, что Ань Мо мог видеть их, просто подняв глаза. Это было идеальное место согласно фэншуй. Когда он вешал их сам, то не доставал, и Альфа, ворча о том, как это утомительно, с силой подсадил его.

Секундная стрелка отсчитывала время — тик-так, тик-так. Ань Мо устал слушать этот ритм, закрыл лицо руками и начал проваливаться в сон.

<http://bllate.org/book/21440/2191253>